

АЙН РЭЧД

ГОЛОС РАЗУМА

Философия
объективизма

Эссе

альпина
ПАБЛИШЕР

Айн Рэнд

**Голос разума. Философия
объективизма. Эссе**

«Альпина Диджитал»

1989

УДК 82-96
ББК 83.3(0)6+87.3(4 / 8)

Рэнд А.

Голос разума. Философия объективизма. Эссе / А. Рэнд —
«Альпина Диджитал», 1989

ISBN 978-5-96-147339-1

Смерть Мэрилин Монро, освоение космоса, война во Вьетнаме, противостояние США и Советского Союза, позиция женщины в политике, жесткая критика Католической церкви в ее попытках регулировать интимную сторону жизни общества. Эти и другие знаковые события и процессы второй половины XX века Айн Рэнд осмысляет через призму объективистского мировоззрения, оставаясь яростной защитницей индивидуальных свобод и частного капитала. В книге собраны лекции и статьи 1961–1981 годов – «золотой фонд» интеллектуального наследия писательницы, по сей день не оставляющего равнодушными всех мыслящих читателей. Их дополняют пять эссе философа Леонарда Пейкоффа, который оставался близким другом и соратником Рэнд до последних дней ее жизни.

УДК 82-96
ББК 83.3(0)6+87.3(4 / 8)

ISBN 978-5-96-147339-1

© Рэнд А., 1989
© Альпина Диджитал, 1989

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	11
1	11
2	13
3	18
4	21
5	25
6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Айн Рэнд

Голос разума. Философия объективизма. Эссе

Переводчик *Илья Русин*

Редактор *Надежда Еришова*

Главный редактор *С. Турко*

Руководитель проекта *А. Деркач*

Корректоры *Е. Аксёнова, А. Кондратова*

Компьютерная верстка *К. Свищёв*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Фотография на обложке *Ulf Andersen/Getty Images*

© 1989 by the Estate of Ayn Rand and Leonard Peikoff

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Пабlishер», 2021

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Айн Рэнд

ГОЛОС РАЗУМА
Философия объективизма.
Эссе

Под редакцией и с дополнительными эссе
Леонарда Пейкоффа и Питера Шварца

Перевод с английского

альпина
ПАБЛИШЕР

Москва
2021

Предисловие

Перед вами последний сборник статей и выступлений Айн Рэнд, который я планирую опубликовать. Это – собрание лучшего из ее работ, не вошедших в антологии. Ни одна из представленных здесь статей не была в составе ни одной книги.

Некоторые из 26 статей – короткие комментарии, адресованные читателям ее колонок в газете *Los Angeles Times* или собственных журналов писательницы. Другие – полноценные статьи из журналов и лекций, прочитанных перед разными аудиториями. Материал охватывает 20 лет – с 1961 г., когда она впервые выступила на ежегодном Форуме Форд-холла в Бостоне, по 1981 г., когда она последний раз выступала на публике, перед группой бизнесменов в Новом Орлеане.

Также я включил шесть сторонних эссе, написанных после смерти Айн Рэнд в 1982 г.: пять из них – мои выступления на упомянутом форуме, а шестое – статья Питера Шварца, редактора журнала *The Intellectual Activist*, где описываются современные события с позиции объективизма.

Содержание частей этой книги различается по объему и предмету обсуждения. Однако, как указывает подзаголовок, все эссе связаны одной темой – объективистским мировоззрением, то есть относятся к уникальной философской системе, созданной Айн Рэнд. В объективизме утверждается *капитализм* в политике, опирающийся на *эгоизм* в этике, который в свою очередь базируется на *разуме* в эпистемологии. Соответственно, все содержание этой книги демонстрирует практическое применение последнего принципа, то есть истоков и сущности философской системы Айн Рэнд. Если человек полностью полагается на разум (учитывая и его философское определение, и его последствия), то все остальное не заставит себя долго ждать. Этим видением и объясняется название книги.

Культура нашего времени, как наследие двух веков кантианства, сформирована борьбой противоположных идей: она – продукт мистицизма, альтруизма и коллективизма. Нас окружают противники эпохи Просвещения, открыто выражающие свою неприязнь к разуму и склонные к разрушающим мозг наркотикам, или служению Государству, или культам, призывающим вернуться «к природе» или «к Библии». В такое время есть лишь один настоящий мятежник: тот, кто ставит под сомнение корень зла, охватывающего мир, то есть радикальный поборник разума.

Разум – это способность человека интегрировать данные органов чувств в понятия и таким образом бесконечно расширять силу своего сознания. Такая интеграция – отличительный метод познания и источник всех достижений человека: она – его единственный способ понимания и взаимодействия с фактами реальности. Другими словами, разум – это практический инструмент, самый практичный из всех, что у нас есть. Разум – это основное средство выживания человека.

Столь важная способность не может быть безнаказанно скомпрометирована или подорвана. Разум не в состоянии выполнять свою функцию поддержания жизни, если с ним обращаться снисходительно, чередуя с приступами божественного откровения. Он должен определяться как необходимый принцип человеческого существования, а затем быть подтвержденным как абсолют.

Добродетель человека, согласно объективизму, состоит не в вере, социальном конформизме или произвольных эмоциях, а в мышлении, объективности, *рациональности*, постоянной деятельности ума при достижении ценностей, как духовных, так и материальных, которых требует человеческая жизнь. Отсюда исходит этика рационального эгоизма Айн Рэнд. Такая рациональность возможна, если к индивиду относятся как к самостоятельному субъекту и не применяют силу; у него должна быть свобода думать и действовать на основе собственного

суждения. Именно поэтому Айн Рэнд защищала оригинальную политическую систему США, основанную на признании неотъемлемых индивидуальных прав.

Айн Рэнд приехала в Соединенные Штаты из Советской России в 1926 г., когда ей было 21. Она была уверена, что принципы, провозглашенные отцами-основателями, сделали Америку величайшей страной в истории человечества и полной противоположностью Советской России, которую она ненавидела. Во многом США оправдали ее ожидания. Здесь она обрела свободу писать и высказываться, стала знаменитым защитником индивидуализма, встретила своего мужа Фрэнка О'Коннора, которого любила почти 50 лет. Однако интеллектуально США ее разочаровали. Когда она приехала, американские интеллектуалы были на пороге того, что сейчас называется Красным десятилетием. Они скептически относились к эффективности разума и выражали, по ее мнению, поразительные антиамериканские настроения. Сначала она едва могла поверить, что в бастионе капитализма (как она представляла себе эту страну) слышит те же фундаментальные идеи, что и в России, то есть те, от которых она сбежала.

У нее не осталось выбора, кроме борьбы с тенденцией. Она знала, к чему приводят подобные настроения (при Ленине дело ее отца было экспроприровано, при Сталине вся семья погибла). Каждой клеточкой своего тела она боролась за разум человека и его свободу, и все крупные интеллектуальные группы отреагировали злобой и обвинениями: либералы набросились на нее как на реакционера, консерваторы – как на радикала, коммунисты – как на капиталиста, а церковь – как на атеиста. Ее взгляды были далеки от воззрений интеллектуального большинства, поскольку она боролась за обращение разрушительной тенденции вспять, и ни одна влиятельная группировка ее не поддержала.

Поддержку и восхищение она получала только от простых американцев. Многие годы я читал письма ее поклонников. Их авторы – солдаты, врачи, танцоры, генеральные директора, водители грузовиков, любознательные подростки, даже профессора и священники – благодарили за видение человека и жизни, представленное в ее романах, то видение, которое наделило их смелостью идти вперед тогда, когда они отчаянно нуждались в поддержке. Я видел, как ее окружают студенты, испытывающие те же чувства, из десятков университетов: Гарварда, Принстона, Йеля и других. Я видел очереди, когда люди ожидали на бостонском холоде по 10 и более часов, пока откроются двери в лекционный зал и в Форд-холле начнется ее выступление. Айн Рэнд предлагала людям то, чего они не могли получить в другом месте, и взамен они дарили ей свое обожание, уважение, достаток. От интеллектуалов она получила лишь ненависть.

Было несколько исключений, и среди самых выдающихся – Форум Форд-холла, организация из Бостона, которая ежегодно приглашала на свою сцену широко известных спикеров, чтобы обсудить текущие проблемы и ответить на вопросы слушателей. Подобно интеллектуальным влиятельным кругам, организаторы форума стремятся к справедливости и заявляют, что открыты для разных точек зрения. Они не лицемерят и действительно справедливы в отличие от большинства колледжей и средств массовой информации. По сути, они говорят всем инакомыслящим по фундаментальным вопросам: «Приходите и скажите, что вы думаете. Не факт, что мы согласимся, но вас выслушаем». За 35 лет, что живу в этой стране, я видел немного примеров такой справедливости. Несколько лет назад газета *The Boston Globe* описывала форум как «независимый, радикальный и неподкупный» и добавляла, что «он никогда не позволял себе быть кооптированным, упрощенным, предельно осторожным или недвусмысленным». Отношение организаторов форума к Айн Рэнд доказывает, что дань уважения не просто риторика, а чистая правда.

Когда Айн Рэнд впервые пригласили в 1961 г., она согласилась неохотно. Она не знала выдающуюся историю форума и ожидала увидеть группу разнузданных противников, но, ожидая худшего, все равно поехала – и не пожалела. В тот вечер слушатели не согласились с ней, но выслушали и засыпали умными вопросами, на которые она всегда любила отвечать. Позже она сказала мне: «Форум спонсирует многих спикеров, с кем я полностью не согласна. И это честно.

Поскольку он открыт новым идеям, то действительно является интеллектуальной организацией и заслуживает поддержки». Она соглашалась выступать там из года в год, и ее поклонники ожидали ее приезда: они стали собираться в Бостоне каждый апрель, съезжаясь не только со всей страны, но и со всего мира. Однажды *The New York Times* назвала эти собрания «объективистской Пасхой». Я согласен с термином, поскольку слово «Пасха» (на англ. Easter) по одной из версий происходит от имени греческой богини утренней зари Эостры (Eostre) и символизирует веселое празднование прихода света после зимней тьмы.

Я хочу поблагодарить Форум Форд-холла за эти пасхальные собрания и за 10 самых длинных глав этой книги (многие из выступлений Айн Рэнд на форуме были перепечатаны в других антологиях). Особо хочу поприветствовать человека, олицетворяющего дух форума, – Фрэнсис Смит. Ее интеллектуальная строгость и честность, ее скрупулезная объективность и неподдельный энтузиазм к идеям и философии – все это редчайшие ценности в наше время, за которые жители Бостона должны быть ей глубоко благодарны.

Теперь я поясню структуру книги.

Первая часть «Философия» состоит из эссе, раскрывающих сущность философии объективизма. Сюда включены краткий обзор объективистского воззрения (глава 1), указание на его сходство с идеями Аристотеля (глава 2) и рассмотрение новых важных вопросов, делающих акцент на необходимости объективности в этике (главы 3 и 4), на различии между психологическим диагнозом и моральным суждением (глава 5) и на необъективной природе этики альтруизма (главы 6 и 7). Первая часть заканчивается осуждением религии, которую объективизм считает отказом от разума (главы 8 и 9).

Часть вторая «Культура» начинается с анализа современной ситуации интеллектуального банкротства (глава 10) и продолжается рассмотрением его проявлений: утраты культурных ценностей (глава 11) и возрастания числа «этнических» конфликтов (глава 12). Затем следуют глубокие размышления о недостатках трех групп: либеральных прагматиков (глава 13), консерваторов (глава 14) и бизнесменов, которых Айн Рэнд считала невольными спонсорами их собственных разрушителей, то есть университетов (глава 15). Далее анализируются два крупных культурных события. Одно трагичное: смерть Мэрилин Монро (глава 16); другое торжественное: полет космического корабля «Аполлон-11» (глава 17). Последнее – одно из любимых эссе писательницы: ее свидетельское описание запуска корабля на Луну, которое красочно передает чувственную реальность, эмоциональный подъем и глубочайшую философскую причину исторического события; подобный репортаж под силу лишь величайшему мыслителю, по совместительству являющемуся писателем. Окончание программы «Аполлон» описывается в главе 18. Вторая часть книги завершается парой моих выступлений об американской образовательной системе. Первое эссе затрагивает всплеск антиамериканских настроений в наших университетах (глава 19), другое – обсуждает антиконцептуальную методологию, разрушающую наши школы (глава 20).

В третьей части «Политика» рассматривается ряд политических вопросов с точки зрения защитника *laissez-faire*-капитализма. В эссе анализируются система квот (глава 21), общественное телевидение (глава 22), антимонопольное законодательство (глава 24), помощь другим странам (глава 25) и социальная медицина (главы 29 и 30). Также предлагается практическое решение проблемы государственной монополии в сфере образования (глава 23), оценивается роль богатства в индустриальной экономике (глава 27), разбираются причины мирового голода (глава 28) и объясняется позиция Айн Рэнд по вопросу о том, почему рациональная женщина не хочет быть президентом США (глава 26). Третья часть завершается детальным анализом такого политического движения, как либертарианство (глава 31). Айн Рэнд всегда выступала против него и считала его противоположностью своей философии. В своей статье Питер Шварц объясняет почему.

Эпилог книги, статья «Мои 30 лет с Айн Рэнд: интеллектуальные мемуары», – мой очерк о мышлении гения. Пока не готова полноценная биография Айн Рэнд, эта лекция будет моим ответом на вопрос, какой личностью она была.

Теперь несколько слов о редакторских вопросах. В начале каждой главы я указал ее источник. Помимо небольших исправлений, состоящих из исключений ненужных запятых, лекции опубликованы без изменений. В квадратных скобках я вставлял исторические объяснения или неизбежные исправления в написании. (Прошу учесть, что квадратные скобки *внутри* цитат и круглые скобки вне их принадлежат Айн Рэнд и являются ее собственными замечаниями.) Как правило, я следовал практике писательницы и оставлял ссылки на сноски внутри самого текста, кроме случаев, когда сноски были объемными: тогда все сноски пронумерованы и даны в конце книги.

Хочу выразить особую благодарность своей верной помощнице Дайан Лемонт за ее легкость в условиях давления и за ее терпеливую и добросовестную работу над подготовкой рукописи.

Выбор статей для сборника в основном произволен. Многие прекрасные работы Айн Рэнд я был вынужден отбросить из-за недостатка места. Если вы хотите узнать об архивах всех выпусков периодических изданий – журналов *The Objectivist Newsletter*, *The Objectivist*, *The Ayn Rand Letter*, *The Objectivist Forum* и *The Intellectual Activist* – и получить информацию о движении современных объективистов, напишите по адресу: Objectivism VR, Box 177, Murray Hill Station, New York, NY 10157¹. К сожалению, из-за огромного количества писем, которые мы получаем, личные ответы невозможны. Однако вам будет выслан список литературы, чтобы вы смогли больше узнать об идеях Айн Рэнд.

ЛЕОНАРД ПЕЙКОФФ
Саут Лагуна, Калифорния,
февраль 1988 г.

¹ Указанный адрес сейчас недействителен. Вся информация о творческом наследии и философии Айн Рэнд можно узнать на сайте <https://aynrand.org>. – Здесь и далее прим. ред., кроме раздела Примечания.

Часть первая Философия

1

Знакомьтесь – объективизм Айн Рэнд

Это эссе – первая из газетных колонок, написанных Айн Рэнд. Оно было напечатано в Los Angeles Times 17 июня 1962 г.

На конференции в издательстве Random House, предшествующей выходу романа «Атлант расправил плечи», один из книжных торговых агентов попросил меня в двух словах представить суть моей философии. Я сказала:

1. *В метафизике:* объективная реальность.
2. *В эпистемологии:* разум.
3. *В этике:* эгоизм.
4. *В политике:* капитализм.

Если перевести эти принципы на простой язык, то звучат они так:

1. «Чтобы повелевать природой, ей нужно повиноваться»² или «Желание этого не делает»³.
2. «Один пирог два раза не съешь»⁴.
3. «Человек – цель сама по себе».
4. «Дайте мне свободу или дайте мне смерть!»⁵.

Если вы последовательно придерживаетесь этих принципов, считая их основой своих убеждений, то в ваших руках оказывается совершенная философская система, способная указывать направление вашей жизни. Но вам необходимы невероятные умственные усилия, чтобы обеспечить такую последовательность, чтобы понять, определить, доказать и применить эти принципы. Именно поэтому философию нельзя обсуждать ни стоя на одной ноге, ни на двух, ни играя на два лагеря. Последняя позиция является сегодня доминирующей, особенно в сфере политики.

В рамках колонки я могу дать лишь кратчайший обзор своих убеждений, отправную точку своих дальнейших рассуждений. Моя философия, объективизм, утверждает:

1. Реальность существует как объективный абсолют: факты реальности тождественны и не зависят от чувств, желаний, надежд или страхов человека.
2. Разум (то, что идентифицирует и обобщает материал, предоставляемый органами чувств) – единственный способ человека воспринимать реальность, его единственный источник знаний, его единственный проводник для действий и его единственный способ выживания.
3. Каждый человек – самоцель, но никак не средство для достижения целей других. Он должен существовать ради самого себя, ни жертвуя собой в пользу остальных и не принося дру-

² Известное высказывание Фрэнсиса Бэкона.

³ Перевод названия песни «Wishing Won't Make It So» популярного в 1950–1960-х годах американского дуэта The Everly Brothers.

⁴ «You can't eat your cake and have it, too» (английская пословица).

⁵ Этой фразой 23 марта 1775 г. закончил свою речь против британского правления в колониях Патрик Генри, представитель законодательного собрания Вирджинии.

гих в жертву себе. Преследование своих личных *рациональных* интересов и своего собственного счастья – высшая моральная цель его жизни.

4. Идеальная политическая и экономическая система – *laissez-faire*⁶ -капитализм. Это система, где люди сотрудничают не как жертвы и палачи, не как рабы и хозяева, а как *торговцы*, посредством свободного и добровольного обмена, направленного на взаимную выгоду. Это система, где ни один человек не получает ценностей, обращаясь к физической силе, и *ни один человек не может инициировать ее применение против других*. Государство функционирует как полицейский, защищающий права человека; оно использует физическую силу *только* в ответ и *только* в отношении тех, кто сам использовал подобную силу, например преступников или интервентов. В системе всецело реализовавшегося капитализма государство и экономика должны быть полностью отделены друг от друга (чего исторически так и не произошло) по тем же причинам, по которым церковь отделена от государства.

Капитализм – система, берущая свое начало в Соединенных Штатах. Ее успех, прогресс и достижения не имеют аналогов в человеческой истории. Политическая философия Америки основывалась на праве человека на его собственную жизнь, свободу и стремление к счастью, то есть на праве человека жить ради самого себя. Это право стало *неявным* моральным кодексом Америки, но оно не было четко сформулировано. Отсутствие ясного определения стало брешью в интеллектуальной броне страны, и именно оно сейчас разрушает ее изнутри. Америка и капитализм погибают из-за недостатка морального фундамента.

Разрушитель – мораль альтруизма.

Альтруизм утверждает, что у человека нет права жить ради себя, что служение остальным – единственное моральное оправдание его существования и что самопожертвование – его высший моральный долг. Политически альтруизм выражен коллективизмом, или *этатизмом*, который заявляет, что жизнь и деятельность индивида принадлежат государству (обществу, группе, банде, расе, нации) и что государство может распоряжаться им по своему усмотрению ради так называемого племенного, то есть коллективного, блага.

«С самого начала Америку разрывали столкновения ее политической системы с альтруистической моралью. Капитализм и альтруизм несовместимы; они не могут сосуществовать ни в одном человеке, ни в одном обществе. Сегодня этот конфликт достиг своего пика. Выбор прост: либо новая мораль рационального личного интереса с ее последствиями в виде свободы, справедливости, прогресса и человеческого счастья на земле, либо примитивная мораль альтруизма с ее рабством, грубой силой, постоянным террором и жертвенными печами» («Для нового интеллектуала» (For the New Intellectual)).

Вы можете видеть воплощения альтруизма и этатизма по всему миру. Например, исправительно-трудовые лагеря Советской России, где 21 миллион политических заключенных работают на строительстве государственных объектов и погибают от *запланированного* недоедания, где человеческая жизнь дешевле еды. Или газовые камеры и массовые бойни в нацистской Германии, или голод и ужасы коммунистического Китая, или кубинскую истерию, где государство за деньги продает людей. Или Берлинскую стену, на которую беглецы прыгают с крыш или сползают по водосточным трубам, пока охранники стреляют в бегущих *детей*.

Обратите внимание на эти злодеяния и спросите себя, что из этих фактов стало бы возможно, если бы люди не согласились с идеей о том, что человек – жертвенное животное, которое можно уничтожить ради «общественного блага». Прочтите речи лидеров указанных стран и спросите себя, какие аргументы они бы использовали, если бы слово «жертва» считалось не моральным идеалом, а антигуманным злом, чем оно и является.

А *затем* вслушайтесь в речи своих нынешних лидеров (Кеннеди) и спросите себя о том же еще раз.

⁶ Laissez-faire (принцип невмешательства) – позиция минимального вмешательства государства в экономику.

2

Обзор «Аристотеля» Рэндалла

Айн Рэнд

Книга Джона Германа Рэндалла «Аристотель» была опубликована издательством Columbia University Press в 1960 г. Данный обзор появился в The Objectivist Newsletter в мае 1963 г.

Если и есть философский Атлант, который на своих плечах держит всю западную цивилизацию, то это Аристотель. Ему возражали, неверно толковали его мысли, выставляли в плохом свете, а его учение, как аксиому, обращали против самого философа. Хотя весь интеллектуальный прогресс зиждется на его достижениях.

Аристотеля можно рассматривать в качестве культурного барометра западной истории. Преобладание его влияния прокладывало путь самым блестящим эпохам; его ослабление влекло за собой и угасание человечества. «Возвращение» философии Аристотеля в XIII в. привело к эпохе Возрождения. Интеллектуальная контрреволюция повернула людей обратно к пещере Платона, то есть к антиподу Аристотеля.

В философии существует единственная фундаментальная проблема: познавательная действительность человеческого разума. Противостояние Аристотеля и Платона – это противостояние разума и мистицизма. Платон сформулировал большинство основных философских вопросов – и не смог на них ответить. Аристотель же заложил основу для большинства ответов. Таким образом, противостояние этих мыслителей отражает когнитивные метания человека, стремящегося найти обоснование особенностей своего сознания.

Сегодня философия опустилась ниже полемики «Аристотель против Платона» – до примитивных споров Парменида с Гераклитом, чьи ученики не смогли совместить понятие интеллектуальной определенности с феноменом изменчивости. Элеаты, утверждавшие, что любое изменение нелогично, что в любом столкновении разума и реальности вторую можно сбросить со счетов и поэтому изменение – это иллюзия, выступали против последователей Гераклита, утверждавших, что сбрасывать со счетов нужно разум, что знание – это иллюзия и нет ничего, кроме изменений. По-другому: сознание без реальности против реальности без сознания. Или: слепой догматизм против циничного субъективизма. Или: рационализм против эмпиризма.

Аристотель стал первым, кто обобщил факты тождественности и изменчивости, таким образом найдя решение древней дихотомии. Точнее, он заложил основу и определил метод, по которому решение может быть найдено. Необходимо закрыть глаза на все его работы, чтобы вновь увидеть эту дихотомию. Даже после эпохи Возрождения она все еще в разных формах держится на плаву и всегда целится в понятие тождественности, сомнительными способами пытаясь продемонстрировать обманчивость, ограниченность и бессилие разума.

Понадобилось несколько веков неверного толкования работ Аристотеля, чтобы сделать из него «соломенное чучело», объявить его недееспособным и тем самым выпустить сильнейший поток иррациональности, который сбивает с ног современную философию и несет нас обратно – к досократикам, в прошлое западной цивилизации, в доисторические болота Востока через экзистенциализм и дзен-буддизм.

Сегодня Аристотель – забытый философ. Вокруг шатается прилизанная молодежь, бубнящая изношенные софизмы V в. до н. э. о том, что человек ничего не знает, в то время как их небритые товарищи говорят о познании на уровне инстинктов.

Именно в этом контексте необходимо оценить значимость необычной книги Джона Германа Рэндалла под названием «Аристотель» (Aristotle).

Спешу заметить, что все написанное выше – исключительно мои замечания, а не мистера Рэндалла. Он не презирает современную философию так, как она того заслуживает: кажется,

он даже разделяет некоторые из ее ошибок. Тема его книги – актуальность и важность Аристотеля по отношению к философским вопросам нашей эпохи. Книга выступает попыткой снова вынести на свет учения Аристотеля, достать их из хаоса неверных толкований средневековых мистиков и современных платоников.

«Несомненно, – пишет он, – [Аристотеля] можно назвать самым страстным умом в истории: его свет проливается на каждой странице, почти в каждой строчке. Его трактаты с неразборчивыми записями отражают не холодную мысль, а страстные поиски хладнокровной истины. Для него не существует “середины”, умеренности в интеллектуальном совершенстве. “Теоретическая жизнь” для него не просто тихое, спокойное и лишнее эмоций созерцание, но горящая и чрезмерная, без границ и рамок жизнь $\nu\omicron\upsilon\tilde{\varsigma}^7$, *теории*, интеллекта».

Профессор Рэндалл указывает, что первые ученые Нового времени отвергали Аристотеля в знак протеста против его религиозных толкователей, однако ранние научные открытия, по сути, обладали непризнанной аристотелевской основой и воплощали то, что подразумевалось учениями древнегреческого философа.

Указав на эпистемологический хаос современной философии как на следствие механистической философии природы И. Ньютона, Рэндалл пишет: «Любопытно наблюдать, как благодаря возможностям XVII в. возродить теории Аристотеля мы, вероятно, спасли несколько веков от неразберихи и ошибок... Там, где мы лишь строим догадки, Аристотель предельно ясен, убедителен и плодотворен. Подобная характеристика верна по отношению ко многим его аналитическим результатам: его учению о целесообразности природы и всего мирового процесса (телеологии); его взгляду на необходимость не как на простую и механическую, а как на гипотетическую; его понятия бесконечности как потенциального, а не актуального; его утверждения о конечности Вселенной; его учения о движении; его понимания времени не как абсолюта, а как величины, то есть системы, фиксирующей изменения; его представления о пространстве как о системе мест, занимаемых телами. Аристотель был прав во многих вопросах, в то время как последователи И. Ньютона в XIX в. ошибались».

Возражая «бесструктурному миру Д. Юма, в котором “за чем угодно может последовать что угодно”», профессор Рэндалл пишет: «Взгляду, которого придерживались мегарики, Аристотель отвечает жестким отрицанием. Нет ничего, что может стать чем-то, кроме себя самого. Вещь может стать только тем, что дано ей особой силой, только тем, чем она уже *есть*, в каком-то смысле, потенциально. Любой предмет надо понимать как особую сущность особой силы; в то время как становление можно понимать только как действие, обновление, деятельность сил субъекта или их носителя».

В современной философии крайне редко можно встретить ясное и выразительное изложение аристотелевской системы с точки зрения ее основополагающих принципов (чего не скажешь о бессмысленных мелочах, в которых копошатся сегодняшние якобы мыслители), и этой характеристики достаточно, чтобы говорить о важности книги профессора Рэндалла, несмотря на ее недостатки.

Недостатков, к сожалению, много. Автор описывает свою книгу как «сделанное философом очертание Аристотеля». Поскольку в работах Аристотеля присутствует много противоречивых элементов и неясных пассажей (которые нередко поднимают вопрос об их принадлежности древнегреческому мыслителю), именно в силах философа (в разумных пределах) определить, какие нити сильно разорванной ткани можно представить как «аристотелевские». Однако нет ничего бесконечного и неопределенного, включая самого Аристотеля. А пока профессор Рэндалл пытается отделить свое представление от своего же толкования, что не всегда приводит к успеху. Одни его трактовки сомнительны, а другие выходят далеко за границы допустимого.

⁷ $\nu\omicron\upsilon\tilde{\varsigma}$ (др.-греч.) – нус, то есть разум, ум.

Например, он объясняет подход Аристотеля к знанию так: «Обладать знанием для него – очевидный факт... Он видит сущность проблемы в вопросе: “В каком мире возможно знание?” Что факт наличия знания говорит о нашем мире?» Это форма «предшествующей уверенности сознания» – утверждения, что человек может сначала обрести знание, а затем выяснить содержание этого знания, таким образом превращая мир в производную сознания; это картезианский подход, который Аристотель себе и вообразить не мог и который упорно опровергает сам профессор Рэндалл на протяжении всей книги.

У большинства недостатков книги один источник – неспособность или нежелание автора порвать с современными предпосылками, методами и терминологией. Проницательность, с которой он рассматривает идеи Аристотеля, исчезает при его попытках поставить знак равенства между Аристотелем и современными тенденциями. Так профессор Рэндалл заявляет: «В современных понятиях Аристотель может рассматриваться как бихевиорист, операционалист и контекстуалист» (а далее в тексте как «функционалист» и «релятивист»). Данные понятия настолько необоснованны и обобщены, что вообще теряют какое-либо значение.

У этих понятий нет точного определения, и они используются в современном философском языке как «мобильные», то есть передающие ассоциации, но ничего не обозначающие. Однако даже их общепринятые коннотации настолько антиаристотелевские, что заставляют человека задаться вопросом, кому мистер Рэндалл пытается что-то объяснить – современникам или Аристотелю. В книге есть несколько параграфов, говорящих в пользу обоих предположений.

С одной стороны, профессор Рэндалл пишет: «То, что мы можем знать вещи такими, какие они есть, что такое знание возможно, – это факт, который Аристотель стремится объяснить и не пытается, в отличие от Канта и его последователей, отрицать или отделаться от него». И вот: «Несомненно, любое толкование факта “знания”, будь оно кантовским, гегельянским, позитивистским, прагматистским или любым другим, кажется плодотворным, последовательным и лишенным пробоин, нерешаемых проблем и бессмысленных вопросов, только когда оно исходит из аристотелевского подхода и развивает его дальше... только в той мере, в какой оно построено на основе философии Аристотеля». (Хотя можно спросить: что останется от И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, Дж. Дьюи и позитивистов, если с них сорвать их не-аристотелевские элементы.)

С другой стороны, профессор Рэндалл, кажется, превращает Аристотеля в зыбкое сочетание лингвистического аналитика и гераклитовского диалектика, как если бы язык и реальность могли восприниматься как два отдельных, ничем не соединенных измерения. Подобная позиция видна в следующих высказываниях: «Когда [Аристотель] продолжает изучать, что такое существование... он приходит к формулировке двух наборов различий: первый соответствует пониманию любой “вещи”, или *ousia*, как предмета обсуждения, а другой – как результата становления, как действие или деятельность сил и в итоге как саму деятельность, то есть активность».

Однако у Аристотеля есть ответ на дихотомию «структурализм–функционализм» профессора Рэндалла, и этот ответ сегодня чрезвычайно важен. Ответ древнегреческого философа полностью исключает указанную дихотомию, и потому ее невозможно решить через причисление Аристотеля к функционалистам, утверждающим, что вещи – это чистое становление.

Лучшими местами в книге Рэндалла можно назвать VIII, IX и XI главы, особенно последнюю. В обсуждении важности биологических воззрений Аристотеля и «биологической мотивации мысли философа» Рэндалл проливает свет на такой аспект аристотелевской системы, который крайне редко освещается в современных дискуссиях и который более глубинен, чем вопрос аристотелевского «функционализма». Этот аспект состоит в том, что центральное место в философии Аристотеля отдано живым существам, то есть феномену *жизни*.

Для Аристотеля *жизнь* – это не необъяснимая, сверхъестественная тайна, а факт природы. И сознание – это естественный атрибут живых существ, их природная сила, их особый способ *действовать*, а не бесконтрольный элемент в механистической вселенной, с которым надо разобраться в терминах неодушевленной материи; не мистическое чудо, несовместимое с физической реальностью, чей источник находится в другом измерении. Для Аристотеля «жизнь» и «знание» – это факты реальности; разум человека является не искусственным, не сверхъестественным, а *природным*, и именно *здесь* сокрыто величие Аристотеля, того огромного расстояния, которое отделяет его от других мыслителей.

Жизнь и ее высшее проявление, человеческая жизнь, – основной принцип в аристотелевском взгляде на реальность. И лучший способ его описать – сказать, что философия Аристотеля «биоцентрична».

В размышлениях Аристотеля доминирует активная озабоченность изучением живых существ, его неизменный подход «за жизнь». В странно неопределенной манере профессор Рэндалл, кажется, разделяет этот подход, который, несмотря на все противоречия, объединяет взгляды Рэндалла с Аристотелем.

«Жизнь – это цель живых существ, – пишет профессор, – поскольку они существуют ради того, чтобы жить». И еще: «Никакой вид не подчинен целям и интересам другого вида. В биологической теории цель, которой служит структура любого конкретного вида живых существ, – это благо, “выживание” этого вида». И, размышляя над целями и выводами естественных процессов, он пишет: «Только в человеческой жизни эти цели и выводы определены сознательно, только у людей есть цели. Для Аристотеля даже у Бога нет цели – только у человека!»

Худшее в этой зачастую очаровательной книге кроется в XII главе, где обсуждается этика и политика. Здесь противоречия очевидны даже без обращения к текстам Аристотеля. Поразительно читать следующее утверждение: «Этика и политика Аристотеля – его наивысшее достижение». Таковым они отнюдь не являются даже в своем оригинальном виде, не говоря уже о версии профессора Рэндалла, превратившего их в этику прагматизма.

Еще поразительнее узнать, что Аристотель, оказывается, радел за государство «всеобщего благосостояния». Какие бы недостатки ни были в политической теории Аристотеля (а их много), он не заслуживает подобного издевательства.

Профессору Рэндаллу, подчеркивающему, что знание должно основываться на эмпирическом опыте, следует хорошо ознакомиться с тем фактом, что историческое влияние философии Аристотеля (особенно его эпистемологии) вело в направлении индивидуальной свободы, освобождения человека из-под власти государства, что Аристотель (через Локка) был философским отцом Конституции Соединенных Штатов и, следовательно, *капитализма*, что именно Платон и Гегель, а не Аристотель, стали философскими предшественниками всех тоталитарных государств, возглавляемых, например, такими правителями, как Бисмарк, Ленин или Гитлер.

«Аристотелевский этатизм» – это понятийное противоречие и, возможно, подсказка к решению конфликта, не позволяющему наделять книгу профессора Рэндалла большей ценностью.

При критическом прочтении эта книга все же обретает высокую значимость в изучении философии Аристотеля. В труде Рэндалла дается краткое и всеобъемлющее изложение, в котором так нуждаются и которое так ищут многие люди, но не могут найти. Особой ценностью книга обладает для студентов колледжей, поскольку дает им отправную точку и ясное резюме обширной философской системы, а также способна помочь им усвоить смысл тех вопросов, которые фрагментарно и непонятно преподаются на курсах по философии Аристотеля.

Книга профессора Рэндалла еще более важна в культурном плане – как шаг в верном направлении, как признание того факта, что великий целитель, необходимый нашей умираю-

щей философской науке, – это Аристотель и что выйти из интеллектуального хаоса настоящего мы можем только с помощью *аристотелевского* подхода.

«Очевидно, – пишет профессор Рэндалл, – что Аристотель не сказал всего; но без того, что он сказал первым, все остальные слова были бы бессмысленны, и об этом не стоит забывать».

3

К молодым ученым

Айн Рэнд

Эти заметки прочитаны в Массачусетском технологическом институте в марте 1962 г. Они обращены к «студентам – будущим ученым Америки». Перепечатано с отредактированной версии в журнале The Objectivist Newsletter за октябрь 1962 г.

Мы живем в мире, где каждая социальная группа борется за собственное разрушение и делает это быстрее, чем ее противники могли бы надеяться, где каждый индивид – враг самому себе, а все человечество на сверхзвуковой скорости мчится в пропасть Темных веков с ядерной бомбой в одной руке и кроличьей лапкой в другой.

Самый страшный парадокс нашей эпохи состоит в том, что разрушение человеческого разума, мышления, логики, знания и цивилизации совершается во имя и с согласия *науки*.

Понадобились века и тысячи страниц, чтобы довести нашу культуру до ее нынешнего состояния банкротства, – и еще тонны бумаги должны быть исписаны, чтобы разоблачить, оказать сопротивление и предотвратить полный интеллектуальный коллапс. Однако из всех смертоносных теорий, которыми вас сейчас разрушают, я хотела бы заострить внимание на самой опасной и важной: якобы существующей дихотомии науки и этики.

Вы слышали об этой теории так часто и из такого количества источников, что многие из вас воспринимают ее как должное, как аксиому, как абсолютную истину, которой научили вас те, кто говорит, что абсолютных истин не существует. Эта доктрина о том, что наука и этика (или знания и ценности человека, его тело и душа) – две отдельные, противоборствующие стороны существования человека и что он зажат между ними как коварный и вечный предатель.

Наука, говорят вам, это область разума, а этика – область высшей силы, ставить под сомнение которую слабый и ненадежный человеческий интеллект не способен. Какой силы? *Эмоций*.

Прежде чем согласиться с этой доктриной, точно определите, о чем она говорит. (Помните, что этика – это система ценностей, которая руководит предпочтениями и действиями человека, определяющими цель и направление его жизни.) Она указывает, что *вы*, ученые, способны открывать новые знания, но не способны судить о том, какой цели они служат. *Ваше* суждение должно быть опущено, если, когда и *потому* что оно рационально, в то время как цели будут определяться неразумными представителями человечества. *Вы* создаете средства, но *они* выбирают цели. *Вы* должны работать и в полной мере использовать всю силу, энергию и гениальность своего разума, стремясь к лучшему результату, совершать великие открытия, но «вышестоящие» другие будут распоряжаться вашими достижениями по милости и приказам своих *эмоций*. Ваш *разум* должен быть оружием и слугой их *прихотей*. *Вы* должны создать водородную бомбу, но грозная русская человекоподобная обезьяна решит, когда и на кого она *захочет* ее сбросить. *Вы* не должны спрашивать почему, *вы* должны лишь делать и предоставлять оружие другим.

Начиная с платоновского «Государства» все этактисты и коллективисты с тоской смотрели на муравейник как на социальный идеал. Муравейник – сообщество взаимозависимых насекомых, где каждый вид или класс физиологически способен выполнять лишь одну функцию: одни – дойные коровы, другие – труженики, немногие – управленцы. Долгое время планировщики коллективизма мечтали о том, чтобы создать идеальное общество методами евгеники, выращивая людей так, чтобы разные касты могли физически выполнять только заданную функцию. В таком обществе *вам* была бы отведена роль дойных умов, людей-компьютеров,

которые бы производили что угодно по первому требованию и были бы биологически неспособны ставить под сомнение приказы обезьяны, раздающей продуктовые талоны.

Устраивает вас такая перспектива?

Я не утверждаю, что эта цель когда-либо будет физически достигнута. Я говорю о том, что она уже достигнута политически и интеллектуально. Политически – среди ваших так называемых коллег в Советской России, интеллектуально – в разуме каждого индивида, который соглашается с дихотомией науки и этики.

Я уверена, что многих из вас сфера науки привлекла именно такой дихотомией: чтобы убежать от истерического, мистического, субъективистского, эмоционального хаоса, в который современные философы превратили этику, и чтобы найти ясную, понятную, рациональную и *объективную* сферу деятельности.

Вы не нашли ее: не потому, что она не существует, а потому, что она не может быть найдена без помощи ясной, понятной, рациональной и *объективной* философии, частью которой является этика. Искомая сфера не будет найдена, пока вы не осознаете, что человек не может существовать наполовину ученым, наполовину дикарем, что все аспекты его существования есть, могут и *должны* быть предметом изучения и суждения его интеллекта и что из всех дисциплин именно *этика*, устанавливающая для человека цели, должна быть возвышена до науки.

Ни один человек или группа не может жить без системы ценностей. Если измерять уровень ее необходимости, то я бы сказала, что именно *вам*, ученым, она нужна больше всего. Природа вашей силы и *ответственности* слишком очевидна и не требует упоминания. Вы можете прочесть об этом в каждом газетном заголовке. Несомненно, что перед любым начинанием вы должны понять, какой цели вы посвятите силу вашего разума.

Если вы не задумывались над этим вопросом, то отошлю вас к роману «Атлант расправил плечи», где есть персонаж, созданный в качестве предостережения, но с огромной надеждой, что оно окажется лишним. Его имя доктор Роберт Стэдлер.

Многое из произошедшего за последние месяцы демонстрирует критические последствия дихотомии этики и науки.

Если бы профессиональный военный стал киллером, сказав, что его новая работа всего лишь бизнес и что он не обязан знать, кто и для каких целей пользуется его услугами, его встретили бы шквалом возмущения и назвали моральным уродом. Однако он не смог бы сотворить и доли тех ужасов, которые совершили заносчивые ученые-аскеты, просто передавшие математические вычисления в руки Н. С. Хрущева, Мао Цзэдуна и их американским копиям и которые объявляют себя сторонними наблюдателями, не прочитав ни одной газеты с 1914 г.

Именно поэтому мир переживает кошмар, превосходящий любой фильм ужасов или научно-фантастическую книгу: два советских спутника вращаются вокруг Земли якобы как триумф передовой науки, в то время как здесь, на Земле, истекающий кровью и молящий о помощи маленький мальчик лежит у подножия Берлинской стены, застреленный за попытку бежать и оставленный там примитивными монстрами из доисторических времен – советскими лидерами.

Нет, это не худшее зло сегодня на Земле. Есть и серьезнее: сознание западных ученых, готовых сотрудничать на цивилизованных условиях с теми коллегами, кто отстаивает одностороннее разоружение.

Если вы только начинаете научную карьеру, вам необязательно разделять вину этих людей, но вам необходимо возродить честь науки.

Есть только один способ, чтобы достичь эту цель: принять моральный принцип, гласящий, что никто не должен слепо жертвовать разумом в пользу убийц, что никто не должен пособничать Аттиле, производя оружие для завоевания мира, любому Аттиле – реальному или потенциальному, отечественному или иностранному.

Есть лишь один путь воплощения указанного принципа. Всю историю человечества, за несколькими исключениями, государство присваивало себе «право» управлять людьми при помощи физической силы, то есть терроризируя и разрушая. Когда возможности террора и разрушения достигают сегодняшних масштабов, то именно размах насилия должен убедить каждого индивида в необходимости уничтожить понятие диктатуры вместе с мнимым «правом» физически навязывать свои идеи или желания другим, если человечество, конечно, хочет выжить. Это означает, что люди должны установить свободное от принуждения общество, в котором государство будет играть роль полицейского, защищающего *индивидуальные* права, в котором сила используется только в ответ на применение силы и в целях самозащиты, в котором ни одна банда не сможет обладать законной силой вводить режим террора. Такое общество не надо изобретать: оно уже существовало, хоть и не в полном объеме. Название такому обществу – капитализм.

Капитализм не принуждает личность или нацию к коллективистскому рабству мирового правительства. Так называемый Единый мир – это лишь «одна голова, готовая для удара». Капитализм оставляет людям право защищать себя и не дает никому политических средств применять силу или начинать войну.

Не физическое, а *политическое* разоружение, отказ от узаконенной грубой силы, – единственный способ спасти мир от ядерного разрушения.

4

Кто решает в этике?

Айн Рэнд

Статья написана в ответ на вопрос читателя и напечатана в разделе интеллектуального вооружения журнала The Objectivist Newsletter за февраль 1965 г.

Есть вопросы, которые надо подвергать сомнению, тем самым добираясь до их основания, ведь они контрабандой, через неверные предпосылки, проникают в умы беспечных слушателей. Пример подобного вопроса: «Кто создал Вселенную?» Или: «Вы все еще бьете свою жену?» Название этой статьи тоже относится к их числу.

Вопрос «Кто решает в этике?» проявляется по-разному, как прямо, так и косвенно. Обычно он задается в следующей формулировке: «Кто решает, что – хорошо, а что – плохо?»

Изучающие объективизм обычно его не задают, хотя они слышали его от других и не понимали его природы. Однако я была поражена, увидев вариант этого вопроса в разделе интеллектуального вооружения: «Будет ли интеллектуальным плагиатом согласиться с философскими принципами и ценностями и использовать их, если они открыты другим человеком?»

Хотя процитированный вопрос не похож на оригинальную формулировку, но он тот же самый, так как возник благодаря одной и той же фундаментальной ошибке.

Природа ошибки станет понятна, если задать такой же вопрос в сфере физических наук: «Кто решает, что хорошо или плохо в электронике?» Или: «Будет ли научным плагиатом согласиться с медицинскими принципами и терапевтическими техниками и использовать их, если они открыты другим человеком?»

Очевидно, что источник таких вопросов – вид концептуального вакуума, который возникает при отсутствии понятия «*объективность*» в разуме того, кто их задает.

Объективность – метафизическое и эпистемологическое понятие. Оно имеет дело с отношениями сознания и бытия. Метафизически объективность – это признание того факта, что реальность существует независимо от сознания любого, кто ее воспринимает. Эпистемологически объективность – это признание того факта, что сознание воспринимающего реальность (человека) должно обрести знание о реальности при помощи особого метода (разума) в соответствии с определенными правилами (логикой). Это означает, во-первых, что, хотя реальность неопровержима и в любом контексте только один истинный ответ, истина недоступна человеческому сознанию автоматически и может быть открыта только через мыслительный процесс. Во-вторых, что нет ни замены такому процессу, ни способа избежать ответственности за его осуществление, ни коротких путей, ни особых откровений избранным и что нет и не может быть «высшей инстанции» в вопросах, имеющих отношение к человеческому знанию. Метафизически единственный арбитр – реальность; эпистемологически это индивидуальный разум. Первая – судья для второго.

Понятие объективности содержит в себе причину, по которой вопрос «Кто решает, что – хорошо, а что – плохо?» неверен. Никто не *решает*. Природа не может *решать*, она просто *есть*; человек *не решает* ничего в вопросах знания, он лишь наблюдает то, что *есть*. Когда необходимо применить знание на практике, человек выбирает действие, основываясь на собственном знании и помня основной принцип рационального действия во всех аспектах человеческого существования: «Чтобы повелевать природой, ей нужно повиноваться». Это означает, что человек не создает реальность и способен обрести ценности, только принимая решения в соответствии с фактами реальности.

Кто «решает», как правильно собрать автомобиль, вылечить болезнь или прожить жизнь? Любой, кто стремится обрести подходящее знание и судить ради самого себя и на свой страх и риск. Где критерий его суждения? В разуме. Где его критическая опора? В реальности. Если он ошибается или уклоняется, кто его наказывает? Реальность.

Понадобились века (и влияние Аристотеля), чтобы обрести неустойчивое основание для понятия объективности в физических науках. Насколько оно неустойчиво, можно судить по тому факту, что большинство людей не может распространить это понятие на все человеческое знание, включая так называемые гуманитарные науки, то есть науки, изучающие человека. Относительно всех гуманитарных наук, сознательно или подсознательно, выраженно или неявно, многие обращаются к эпистемологии дикарей, то есть к субъективизму.

Субъективизм – это убеждение, что реальность – это не жесткий абсолют, а жидкая, пластичная и неопределенная сфера, которую можно изменить полностью или частично сознанием воспринимающего, то есть его чувствами, желаниями или прихотями. Эта доктрина утверждает, что человек – существо особой природы, который при взаимодействии с вселенной особой природы может жить, действовать и достигать своих целей в отрыве от фактов реальности либо в противоречии с ними, то есть в отрыве от собственной природы и природы вселенной. (Это «смешанная», умеренная или усредненная, версия субъективизма; чистая, или «крайняя», степень субъективизма не признает понятия тождественности, то есть того факта, что человек и вселенная вообще обладают особой природой.)

Мораль веками была монополизирована мистиками, то есть субъективистами. В современной философии эта монополия возрождается и утверждается неомистиками. Противостояние между двумя доминирующими школами этики, мистической и общественной, выступает простым противостоянием личного и общественного субъективизма: один заменяет объективное сверхъестественным, а другой – коллективным. Оба яростно настроены против внедрения объективности в сферу этики.

Таким образом, в отношении этики как науки большинству людей особенно трудно усвоить понятие рациональной, *объективной* этики, которая не оставляет места ничьему произвольному «решению».

Субъективизм – контрабандная предпосылка, лежащая в корне обеих формулировок вопроса нашего обсуждения. Может показаться, что двум версиям вопроса присущи противоположные цели. По сути, они – две стороны одной субъективистской медали.

Тот, кто спрашивает «Кто решает, что – хорошо, а что – плохо?», является субъективистом, который думает, что реальность управляется человеческими прихотями, и который стремится избежать ответственности независимого суждения либо через цинизм или слепую веру, либо через отрицание всех моральных стандартов или поиски «авторитета».

Но и человек, который спрашивает «Будет ли интеллектуальным плагиатом согласиться с философскими принципами и ценностями и использовать их, если они открыты другим человеком?», это не самостоятельный ум в поисках независимости от других, каким он хочет казаться. Он усвоил понятие объективности не лучше, чем первый: он – субъективист, который видит реальность как состязание прихотей и хочет, чтобы она управлялась *его* прихотями, чего он и стремится достичь через отказ от всего, что было открыто другими, как от неверного. В отношении философских принципов его в первую очередь интересует ответ не на вопрос «Это истина или ложь?», а на вопрос «Кто это открыл?».

Исходя из этой предпосылки, он должен разводить огонь через трение двух палочек (если он сможет этот способ открыть), поскольку он не Томас Эдисон и не может признать электрический свет. Он должен считать, что Земля – плоская, потому как Христофор Колумб опередил его в освидетельствовании ее шарообразной формы. Он должен защищать этатизм, так как он не Адам Смит. И он должен отвергнуть законы логики, так как он не Аристотель.

Разделение труда в обретении знания, тот факт, что люди могут передавать знания и учиться друг у друга, – одно из величайших достижений человечества. Только субъективист, который уравнивает *факты с произвольными утверждениями*, может представлять, что «учиться» – значит «принимать на веру», как подразумевает задавший вопрос.

Возможно, лейтмотивом такого мышления выступает желание не сбрасывать со счетов идеи остальных, а присваивать их. «Плагият» – понятие, относящееся не к принятию идей, а к их *авторству*. Принять чью-то идею, а потом выдавать ее за свою – плагият низшего пошиба, хотя он не имеет отношения к правильному, рациональному процессу изучения. Истинность идеи и ее автор никак не коррелируют между собой, и их не так сложно разделять.

Вопрос «Будет ли интеллектуальным плагиятом согласиться с философскими принципами и ценностями и использовать их, если они открыты другим человеком?» стоил упоминания только в качестве вопиющего примера субъективизма – той его степени, в которой идеи не принадлежат реальности и не имеют с ней никакой связи в уме субъективиста. Вопрос лишь иллюстрация того, насколько понятие объективности чуждо многим людям и насколько человечество в нем нуждается.

Заметьте, что большинство современных коллективистов, якобы отстаивающих человеческое братство, благотворительность и сотрудничество, подвержены субъективизму в гуманитарных науках. При этом разум и, следовательно, *объективность* – единственная общая нить между людьми, единственное средство коммуникации, единственная универсальная опора и критерий суждения. Ни понимание, ни общение, ни взаимодействие невозможны, если основаны на непонятных ощущениях и субъективных «порывах»; возможно лишь состязание прихотей, регулируемое грубой силой.

Субъективистский вопрос «Кто решает?» в политике возникает в разных вариантах. Он приводит не внушающих доверия защитников свободы к утверждению о том, что «воля народа», или большинства, – единственное одобрение в свободном обществе, что выступает противоречием в терминах, поскольку такое одобрение представляет доктрину безграничной воли большинства.

Ответ здесь, как и в других морально-интеллектуальных вопросах, один: никто не «решает». Разум и реальность – единственно верные критерии в политической теории. Кто определяет, какая теория верна? *Любой, кто сможет это доказать.*

Теории, идеи и открытия не создаются и не совершаются коллективно: они являются результатами деятельности индивидов. В политике, как и в других сферах человеческой деятельности, группа может лишь принять или отвергнуть теорию или продукт: сама она не участвует в его создании. Участниками являются те, кто выбирает конкретную область деятельности, исходя из своих амбиций и возможностей. Когда люди свободны, иррациональные теории способны держать пальму первенства лишь временно и лишь благодаря бездействию мыслителей, то есть тех, кто стремится к истине.

В политике, как и в других сферах, не утруждающие себя мыслительной деятельностью люди просто балласт: они по умолчанию соглашаются со всем, что есть у интеллектуальных лидеров. В соответствии со своей способностью мыслить люди следуют за человеком, который предлагает лучшую (то есть наиболее рациональную) идею. Этот процесс происходит не мгновенно, не автоматически и не конкретно, и именно таким путем распространяется знание, и такова модель прогресса человечества. Тот факт, что ни одна диктатура не смогла долго продержаться без жесткой цензуры, – лучшее доказательство мощности идей и разума для людей с разным уровнем интеллектуального развития.

Число последователей идеи не имеет отношения к ее истинности. Большинство может ошибаться так же, как и меньшинство или один человек. Голосование большинства «за» не является эпистемологическим обоснованием идеи. Голосование лишь верный политический инструмент внутри строго и конституционально ограниченной сферы действий для выбора

способов воплощения основных общественных принципов. Однако сами принципы не определяются голосованием. Кем же они определяются? Фактами реальности, которые вскрывают мыслители, выбравшие сферу политической философии. Такой была модель величайшего политического достижения в истории: Американской революции.

Здесь важно отметить эпистемологическую значимость свободного общества, где стремление к истине защищено свободным доступом человека в любую сферу деятельности. (Свободный доступ не означает гарантию успеха, финансовую поддержку или всеобщее принятие и согласие; оно означает отсутствие навязанных ограничений или барьеров.) Свободный доступ предотвращает формирование принуждающей «элиты» в любой профессиональной среде и внедрение «монополии на правду» со стороны любой жаждущей власти банды. Он же защищает свободный рынок идей и держит все двери открытыми для разума любопытного человека.

Кто «решает»? В политике, этике, искусстве, науке, философии – *реальность*. Именно она ставит условия во всех сферах человеческого знания через деятельность тех, кто способен эти условия определить и превратить их в *объективные* принципы.

5

Психология психологизации

Айн Рэнд

Статья опубликована в журнале The Objectivist в марте 1971 г.

В некоторых местах романа «Атлант расправил плечи»⁸ я затронула вопросы, которым сейчас хотела бы уделить больше внимания и дать теоретическое обоснование.

В одном из таких отрывков описывается сцена, где Хэнк Риарден, пытаясь понять поведение своей жены, размышляет, что ее постоянный, злобный сарказм рожден «не желанием заставить его страдать, а признанием в *своей* боли, оскорбленной гордостью нелюбимой жены, тайной мольбой... и что все эти тонкости и намеки, уклончивость и просьба понять выражают не открытое озлобление, а скрытую любовь».

Стремясь быть справедливым, он наделяет ее презумпцией невиновности и подавляет предупреждения собственного разума. «Его охватил мутный гнев; голос, которому он пытался не дать воли, кричал с отвращением: *“Почему я должен слушать ее гнилую, коварную ложь? Зачем мне эти мучения – жалости ради? Зачем мне владеть безнадежное бремя, беря на себя тяжесть чувства, которого она не хочет признать, которого я не могу понять, осознать, даже попытаться оценить в какой-то мере? Если она любит меня, то почему проклятая трусиха не может сказать об этом открыто, поставить нас обоих перед фактом?”*»

Риарден был безвинной жертвой популярной игры со множеством вариантов и последствий, где ничего нельзя назвать безвредным. По сути, она состоит из замены философии психологией.

Сегодня многие используют психологию как новую форму мистицизма: как замену разуму, познанию и объективности, как способ избежать ответственности за моральное суждение в роли судьбы и в роли обвиняемого.

Нет мистицизма без утверждения непознаваемого, которое открывается лишь избранным и скрыто от остальных; это делит людей на тех, кто чувствует вину, и на тех, кто на этом наживается. Эти группы меняются местами в зависимости от обстоятельств. Когда его обвиняют, мистик плачется: «Я ничего не мог поделать!» Когда он осуждает других, то заявляет: «Вы не в состоянии знать, а я могу». Современная психология обеспечивает широкое поле деятельности для обоих вариантов.

Однажды сила, превосходящая человеческое сознание, уже была взята за эталон для предопределения судьбы, сверхъестественной воли, первородного греха и так далее; теперь эту роль играет собственное подсознание индивида. Правила игры остаются теми же: утверждается, что желания, убеждения, чувства и *недостатки* сознания человека освобождают его от ответственности познания.

Так же как для иррационального человека аргументация становится рационализацией, моральное суждение – монотонным повторением проповедей, психологические теории превращаются в психологизацию. Общий знаменатель, как скрытый мотив, здесь – извращение познавательного процесса.

Суть психологизации состоит в презрительном отношении или, наоборот, оправдании индивидуумов на основании их психологических проблем, реальных или вымышленных, при отсутствии фактов или в пику им.

Как наука психология едва делает первые шаги. Она все еще готовится стать наукой и находится на стадии наблюдения и сбора материала, из которого в будущем получится научное

⁸ Рэнд А. Атлант расправил плечи. – 8-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2020.

знание. Эту стадию можно сравнить в истории философии с досократическим периодом. Психология еще не нашла своего Платона, не говоря уже об Аристотеле, чтобы систематизировать свои материалы и задачи и определить свои базовые принципы.

Добросовестный психотерапевт любого направления знает, что задача диагностировать проблемы индивида необычайно трудна. Один и тот же симптом у разных людей нередко говорит о разных проблемах, если исходить из целостного контекста и взаимодействия исходных предпосылок. Необходимы многочисленные специальные исследования, чтобы выдвинуть обоснованную гипотезу.

Однако требование тщательности к постановке диагноза не останавливает психологизаторов-любителей. Вооруженные даже не толикой знаний, а непереваемыми слоганами, они врываются без спроса и ставят диагнозы направо и налево. Высокомерие и претенциозность – верные спутники психологизатора: он не просто нарушает границы разума своей жертвы, он утверждает, что понимает ее лучше нее самой, знает о ее мотивах больше, чем она сама. С безрассудной безответственностью, которой позавидовал бы самый старомодный мистик, психологизатор приписывает своим жертвам мотивы, служащие его целям, и игнорирует любые отрицания. Поскольку он имеет дело с великим «непознаваемым», место которого раньше занимала жизнь после смерти или экстрасенсорные способности, а теперь человеческое подсознание, все правила логики, доказательства и факты лишены силы, и поэтому можно все (что и влечет психологизатора к такому мошенничеству).

Вред, который он причиняет своим жертвам, невозможно измерить. Люди с психологическими проблемами крайне смущены и легко поддаются внушению; не в силах понять собственное внутреннее состояние, они часто думают, что любое объяснение лучше, чем ничего (и это огромная ошибка). Так психологизатор достигает успеха и сеет новые сомнения в их головах, увеличивая их чувства вины и страха и усугубляя их проблемы.

Незаслуженный статус «авторитета», высказывать произвольные утверждения, пугать людей или манипулировать ими – самые безобидные мотивы психологизаторов. Основной мотив гораздо хуже. Заметьте, что психологизатор редко находит позитивные или добродетельные элементы в подсознании своих жертв; чаще всего он обнаруживает грехи, слабости, недостатки. Он ищет возможность уязвить и вынести негативное моральное суждение не на основании объективных свидетельств, а на почве непостижимых, недоказуемых, непереводаемых на язык действий процессов в подсознании человека. То есть ищет возможность подрвать мораль.

Основной мотив большинства психологизаторов – *ненависть*. Вызванная глубокими сомнениями в себе, презрением к себе и страхом, эта ненависть выступает как защита, направляющая на других людей ту злобу, которую такой человек испытывает по отношению к самому себе. Называя злом в людях то, что представляет его личный недостаток, он чувствует хроническую потребность в оправдании самого себя через демонстрацию их зла, поиска зла, охоты за злом, придумывания зла. Обнаружение подлинного зла в индивиде – это болезненный опыт для морального человека. И заметьте почти триумфальный восторг, с которым психологизатор находит невыразимое зло в растерянной жертве.

Подрыв морали психологизатором ведет к следующей проблеме: примеряя на себя роль Великого инквизитора, ответственного за психологическую чистоту остальных, он вводит себя в заблуждение, что так он демонстрирует свою преданность морали и что ему самому нет необходимости применять моральные принципы к собственным действиям.

Именно эта позиция объединяет его с другим, более явным и более модным сегодня типом психологизатора – циником-филантропом. Циник превращает психологию в новую, «научную» версию детерминизма и посредством непостижимых жаргонизмов, созданных из понятий самых случайных теорий, заявляет, что человеком управляют слепые силы собственного подсознания, которое он не способен ни понять, ни контролировать, что он ничего не

может поделаться с позывами своего подсознания, что ни от кого ничего не зависит, что никого нельзя осуждать или презирать и что мораль – суеверие и потому можно все.

У такого типа психологизаторов есть множество версий, которые варьируются от грубых циников, утверждающих, что все люди от рождения свиньи, до сочувствующих циников, говорящих, что всё должно быть прощено и что мораль можно заменить любовью.

Заметьте, что оба типа психологизаторов, инквизитор и циник, меняются ролями в зависимости от обстоятельств. Когда инквизитора просят объяснить причину его собственного действия, он вскрикивает: «Я ничего не мог поделаться!» Когда циник встречает высоконравственного человека, который не желает легко прощать, то первый извергает такой же поток обвинений, ненависти и злобы, как и инквизитор, забывая, что высоконравственный человек, предположительно, ничего не может с собой поделаться.

Общий знаменатель остается неизменным: уклонение от познания и, следовательно, от морали.

Психологизация не ограничивается любителями, действующими в небольших масштабах. Иногда профессиональные психологи выходят в публичное пространство. Примером инквизиторского типа психологизаторов является группа психологов, оклеветавших сенатора Барри Голдуотера в 1964 г.: они нагло поставили диагноз человеку, с которым не были лично знакомы. (Сенатор проявил огромную смелость, когда возразил им и, невзирая на их грязную злобу, подал в суд, который выиграл. Верховный суд вынес надлежащий вердикт [Goldwater v. Ginzburg et al. 396 U.S. 1049].)

В качестве примера циника-психологизатора можно привести психологов, стремящихся защитить любого убийцу (например, Серхана Серхана⁹), утверждая, что он не мог ничего поделаться, что вина лежит на обществе или окружающей обстановке, родителях, бедности, войне и так далее.

Такие заявления подхватываются любителями и комментаторами, предлагающими подобные высказывания в качестве оправдания ужасов, совершенных политическими активистами, бомбистами, университетскими хулиганами и другими. Утверждение, что бедность выступает психологическим корнем всех зол, – типичный пример психологизации, чьи пособники игнорируют тот факт, что тяжчайшие преступления были совершены выходцами из обеспеченных семей.

Встречаются и смешанные типы: например, в психологизированных биографиях исторических личностей, авторы которых толкуют мотивы людей, умерших сотни лет назад, с помощью грубых, опошленных версий новейших психологических теорий, сами по себе являющихся неверными. Есть множество фильмов, объясняющих действия убийцы тем, что деспотичная мать не целовала его перед сном в шестилетнем возрасте, или указывающих на причину фригидности девушки в том, что однажды в детстве она сломала куклу, символизирующую ее отца.

Теперь посмотрите на известного драматурга, которого в интервью спросили о том, почему все его пьесы плохо заканчиваются. Он ответил: «Не знаю. Спросите моего психиатра».

Обман философствующих мистиков зиждется на утверждении, что человек не в состоянии познать внешний мир, тогда как мошенничество психологизирующих мистиков предполагает, что человек не в состоянии определить собственные мотивы. Конечная цель везде одинакова – разрушение человеческого разума.

Психологизаторы не ограничивают себя принадлежностью к одной психологической школе. Они берут из каждого психологического направления или теории то, что им подходит. Они побираются на обочинах любых движений. Они существуют даже среди мнимых студентов-объективистов.

⁹ Серхан Серхан осужден за убийство Роберта Кеннеди в 1968 г.

Жертвы психологизаторов не всегда невинны. Многих искушает «освобождение» от ответственности за знание собственных мотивов. Многие стремятся переложить тяжкий груз оценки своей нравственности на плечи любого, кто согласится его нести. Даже люди, не принимающие чужой оценки о внешнем мире, нередко превращаются в тех, кто принимает оценку из вторых рук о своем внутреннем состоянии. Конечно, они не пойдут к шаману за медицинским диагнозом, но доверят свое ментальное здоровье первому попавшемуся психологизатору. Не так много вреда причиняет неудача в процессе интроспекции и болезненный хаос психологических конфликтов: по-настоящему разрушителен только страх моральной ответственности.

И психологизаторы, и их жертвы игнорируют природу сознания и морали.

Сознание индивида как таковое недоступно другим: его можно воспринимать лишь через внешние проявления. Только когда ментальные процессы выражаются в действии, они становятся заметны (через заключения) и им может быть дана оценка. В этой точке происходит разделение областей между двумя науками.

Оценка процессов, протекающих в подсознании человека, лежит в области психологии. Психология подходит к подсознанию не с моральной точки зрения, а с медицинской, то есть с точки зрения здорового проявления или дисфункции (когнитивная способность – стандарт здорового состояния).

Оценка идей и действий человека – задача философии.

Философия имеет дело с человеком как с сознательным существом, ведь именно сознательному существу приписываются определенные принципы действия, то есть *моральные нормы*.

Человек с психологическими проблемами – сознательное существо; его когнитивные способности нарушены, замедлены,отягощены, но не разрушены. *Невротик не психопат*. Только психопат страдает от полного разрыва с реальностью и не контролирует свои действия или процессы своего сознания (и даже это не всегда правда). Невротик сохраняет способность воспринимать реальность и контролировать свое сознание и действия (этот контроль для него лишь более труден, чем для здорового человека). Если человек не психопат, он *не может* потерять контроль и *не должен* его отпускать.

Мораль лежит в области философского суждения, а не психологического диагноза. Моральная оценка должна быть объективной, то есть основываться на заметных, очевидных фактах. *Нравственность человека должна оцениваться на основе его действий, утверждений и сознательных убеждений*, а не на основе заключений (зачастую иллюзорных) о его подсознании.

Человека нельзя презирать или оправдывать на основе состояния его подсознания. Его психологические проблемы – его личная забота, которые не стоит публично освещать и превращать их в тяжелую ношу для него или охотничье поле для рыскающих психологизаторов. Мораль требует, чтобы людей оценивали и обращались с ними как с ответственными взрослыми.

В этом случае делается допущение, что человек полностью осознает свои действия и слова, которые оцениваются *философски*, то есть так, как они есть, а *не психологически*, то есть не как ключи к тайному, спрятанному, бессознательному значению. Никто не общается с помощью шифров.

Если сознание человека повреждено заболеванием, задача психолога – помочь его подкорректировать, так же как задача доктора – помочь вылечить болезнь тела. В задачи инструктора астронавтов или хореографа не входит подстраивать техники космического полета или балета под требования людей с ограниченными физическими возможностями. В задачи философии не входит подстраивать принципы правильного поведения (то есть морали) под требования психологических инвалидов, как не входит давать разрешение психологизаторам превращать такие нарушения в моральную проблему.

Не подсознание, а *сознание* человека находится под его непосредственным контролем и открыто к моральной оценке. Именно сознание проходит оценку (на основании объективных свидетельств) для вынесения суждения о нравственности индивида.

В каждый вид психологизации входит ложная дихотомия, чьи крайности представлены инквизитором и циником. Альтернатива здесь не между бездумным, безразличным нравоучением и трусливым, уклончивым моральным нейтралитетом, то есть презрением без понимания или отказом понимать ради того, чтобы не презирать. Все это взаимозаменяемые варианты одного и того же мотива: избежать ответственности познания и моральной оценки.

При взаимодействии с другими индивид неизбежно делает выводы об их характере, куда включается и психологический аспект, поскольку каждая оценка относится к сознанию. Однако человеческое подсознание и его психопатологии должны быть отставлены в сторону, особенно в моральной оценке.

Обычному человеку требуется малая толика медицинских знаний, чтобы заботиться о собственном теле и знать, когда нужно вызвать врача. Тот же принцип применим и в психологии: обычному человеку необходимы какие-то знания в области психологии, чтобы понять природу своего сознания; но теоретическое знание не позволяет ему заниматься диагностированием психопатологических проблем особых индивидуумов. Даже диагноз, поставленный самому себе, зачастую опасен: существуют психологические ипохондрики, которые приписывают себе каждую болезнь, о которой они слышали или прочитали.

Не рекомендуется обсуждать свои психологические проблемы с друзьями (за небольшим исключением). Такие обсуждения могут привести к разрушительно ошибочным выводам (поскольку два любителя не лучше одного, а иногда и хуже), а также способствуют возникновению медицинской составляющей, которая может извратить основу дружбы. Дружба предполагает наличие двух решительных, независимых, надежных и ответственных личностей. (Это не означает, что человеку нужно врать, выделываться и скрывать от друзей тот факт, что у него есть проблемы; это означает лишь то, что не нужно превращать друга в психотерапевта.)

Вышесказанное приложимо к психологическим дискуссиям между двумя честными личностями. Возможности, к которым приводят такие обсуждения, очевидны: у психологизаторов они выступают приглашением для вмешательства. Инквизитор использует их, чтобы напугать и в дальнейшем манипулировать жертвой. Циник же через подобные беседы будет привлекать к себе внимание, вызывать жалость, лестью выманивать различные привилегии. Пожилая женщина, рассказывающая о своей операции, – известная зануда; но она слишком мила по сравнению с молодой дамочкой, которая все говорит и говорит о своих психологических проблемах, да еще и с такой бедностью воображения, что это повествование точно нельзя назвать художественным вымыслом.

Психологические проблемы как таковые не позор; а вот то, что люди иногда с ними делают, чаще всего он и есть.

Поскольку психологические проблемы человека вредят его когнитивной оценке (особенно проблемы, связанные с ложной психоэпистемологией), на нем лежит ответственность ограничить их влияние, насколько это возможно, и обдумывать все со скрупулезной точностью и ясностью перед тем, как предпринять какое-либо действие, и никогда не действовать слепо, поддавшись эмоциям (именно эмоции извращают когнитивный аппарат во всех психологических проблемах). В отношении других людей его ответственность – сохранять принцип *объективности*, то есть быть последовательным и *понятным* в своем поведении и не выставить напоказ свой невроз в ожидании, что другие будут в нем, его неврозе, разбираться, чего им, конечно, делать не следует.

Так размышления о психологизаторах привели нас к их низшему типу, в качестве примера которого выступает Лилиан Риарден.

Хотя ее поведение – просчитанный обман, такой же стратегии придерживаются многие люди, ведомые разнообразными сочетаниями коварства, пассивности и безответственности. Общий знаменатель здесь – сознательно пренебрежительное отношение к объективности в форме признанной неспособности и/или нежелания объяснять собственные действия. Обычно это происходит так: «Почему ты так поступил?» – «Не знаю». – «Чего ты хочешь?» – «Не знаю». – «Я не понимаю тебя, чего ты от меня ждешь?» – «Не знаю».

Подобное поведение зиждется на представлении, что содержание сознания не должно обрабатываться.

Только новорожденный мог бы считать себя беспомощным и пассивным наблюдателем хаотичных ощущений, наполняющих его сознание (но он бы не стал, так как его сознание слишком занято обработкой этих ощущений). Развитие человека, со дня его рождения и до перехода к зрелости, состоит в освоении им навыка обработки сенсорно-перцептивного материала, превращения его в понятия, интеграции этих понятий, идентификации своих ощущений и нахождения их связи с фактами реальности. Такая обработка должна выполняться непосредственно разумом индивида. Никто не может выполнить ее за него. Если у него этот процесс не получается, то он становится ментально отсталым. Только при допущении, что он способен выполнять такие процессы, к нему стоит относиться как к сознательному существу.

Зло сегодняшней культуры психологизации, особенно усиленное прогрессивным образованием, кроется в заблуждении, что процессов обработки не требуется.

Результат – ступор и апатия людей, которые не относятся ни ко взрослым, ни к младенцам, а лишь к ничтожным лунатикам, неспособным проснуться. Всё что угодно проникает в рыхлую массу внутри их черепов, и ничто не может выйти оттуда. Сигналы, которые они подают, – случайные отрывки.

Они отринули ответственность за свои ментальные процессы, продолжив говорить, действовать, взаимодействовать с другими и ждать от них ответа. Это означает, что они скидывают на плечи других груз задачи, с которой они сами не справились, и ожидают, что смогут понять непостижимое.

Невозможно подсчитать количество людей, которых они превратили в жертв, степень мучений, которую они навязали жалостливым, добросовестным личностям, пытающимся их понять, и отчаяние тех, кого они привели к мысли, что жизнь бессвязна и иррациональна.

Сегодня необходимо озвучить очевидное: любой, кто хочет быть понятым, должен, черт возьми, полностью убедиться в том, что он понял самого себя.

Это тот моральный принцип, который мельком увидел Хэнк Риарден и на основе которого должен был сразу действовать.

Иметь дело можно только с сознательным в индивиде, и только о сознательном индивид должен заботиться и беспокоиться. Необработанный хаос в его уме, его неопределенные эмоции, непостижимые мотивы, безымянные призывы, несформулированные желания, непризнанные страхи и вся та выгребная яма, в которую он превратил свое застойное подсознание, не представляет никакого интереса, значения или беспокойства ни для кого за пределами кабинета психотерапевта.

Визуальный образ «необработанного» мышления представлен необъективным искусством. Его последователи заявляют, что они не смогли переварить воспринятую информацию, что у них не получилось достичь концептуального или полностью сознательного уровня развития и что они предлагают на обозрение публики сырой материал своего подсознания, загадку которого должны интерпретировать другие.

Нет никакой загадки.

Разум – это перерабатывающий орган, как и кишечник. Если кишечник не справляется со своими функциями, его выворачивает наизнанку; его необработанный материал – рвота.

Таков же необработанный материал, выпускаемый разумом.

6

Альтруизм как умиротворение

Айн Рэнд

Статья опубликована в журнале The Objectivist в январе 1966 г.

В марте 1962 г. на лекции в Массачусетском технологическом институте я познакомилась со студентом, который был серьезно и с пониманием сути озабочен тем, как надо противостоять набирающей силу тенденции к коллективизму. Я спросила его: «Почему сегодня так много молодых интеллектуалов становятся “либералами”?» Он не смог мне ответить сразу. Спустя несколько недель я получила замечательное письмо.

Студент пояснил, что серьезно обдумал мой вопрос и пришел к определенным выводам. Большинство студентов колледжей, писал он, предпочитают не думать; они принимают действующий статус-кво, следуют сложившейся системе ценностей и избегают ответственности независимого мышления. «Выбирая такой подход, они вдохновляются учителями, которые настаивают на имитации больше, чем на созидании».

Однако есть немногие, кто не хочет отказываться от своей способности мыслить. «Они интеллектуалы и аутсайдеры. Желание думать заставляет их казаться угрозой застойной безопасности эгалитаристов, в которую те погружены. Их задирают одноклассники. Глубокая вера в себя и рациональная философская основа нужны, чтобы выступить против того, чему учит общество... Человека, прославляющего честность, гордость и самоуважение, фактически не существует. Куда более распространен тип, ведомый подростковой нуждой быть принятым и потому подчиняющийся и идущий на компромисс. Здесь и ответ: результат *такого компромисса – либерализм*».

«Противостоящий обществу человек, стремясь быть рациональным, почти наверняка поддастся и обретет сильный комплекс вины. Он объявляется “виновным”, потому что отказался от всепроникающей доктрины “равенства посредственностей”... Так же и интеллектуал, в поисках искупления ложной вины, сегодня становится либералом. Он громко провозглашает братство всех людей. Он стремится услужить своим братьям-эскапистам, гарантируя им желание социального обеспечения. Он признает посредственность добродетелью, работает на их благосостояние и прежде всего ищет их одобрения, чтобы загладить вину, которую они на него навесили под маской абсолютной моральной системы, которую нельзя ставить под сомнение».

Молодой человек заслуживает похвалы за свое необычайное психологическое чутье. Однако описываемая им ситуация не нова; она стара, как и альтруизм, и не ограничивается «либералами».

Вскоре после получения письма я встретила знаменитого историка, которому было далеко за 70, человека большого ума и учености, защитника капитализма. Я была удивлена тем фактом, что множество его работ и строгая логика его аргументов наполнены противоречиями из-за его согласия с «общим благом» как критерием морали. Я спросила его о причинах. «Ну, человек должен сказать это массам, – ответил он, – иначе они не примут капитализм».

Между этими двумя возрастными крайностями, от колледжа до кульминации всей жизненной борьбы, лежит негласная психологическая история, наполненная ужасом. Это история людей, троящих свою жизнь на извинения за собственные умственные способности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.